

«Консервативные исследования» в политическом и интеллектуальном поле современной России

«То, что было поставлено вне закона эпохой модерна, сегодня смело можно утверждать в качестве политической программы... Если консерватизм состоится онтологически, можно будет поднимать вопрос о его политической имплантации во власть.»

А. Дугин

Как отмечает сегодня большинство политологов-аналитиков, внешнеполитический характер российских отношений со странами Европы, в том числе с государствами центрально-восточного региона – Польшей, Чехией, Венгрией, Словакией – в обозримой перспективе изменится незначительно. По-прежнему приоритетным направлением будет торгово-экономическое сотрудничество. Возможно, интенсифицируется взаимодействие в таких областях, как антитеррористическое и полицейское сотрудничество, упрощение или отмена визового режима, обмен инвестициями. Однако в политической сфере, к сожалению, можно с большой вероятностью прогнозировать снижение уровня и эффективности контактов в связи с приходом

к власти в странах региона не симпатизирующих России сил, а также с консолидацией в самой России консервативно-традиционалистских настроений и идеологических претензий (Тарасов, 2007: 15). Остановимся на последнем обстоятельстве подробнее.

Внутренний и внешний политический дискурс современной России все более обнаруживает крен в сторону антизападной и мобилизационной риторики. Усиливаются и частично легализуются мировоззренческие и идеологические тренды консервативной, праворадикальной, национально-шовинистической тональности. Основными проявлениями указанных тенденций можно считать, в первую очередь, процессы институционализации ранее ла-

тентных, неформальных, зачастую маргинальных интеллектуально-идеологических пространств (организаций, объединений, издательств и т. п.), которые в своем новом статусе начинают претендовать на выработку государственных стратегических политических программ. Например, еще лет пять назад местная идеология «консервативной революции» не пользовалась особой симпатией со стороны власти и выступала скорее в качестве маргинального философско-идеологического тренда, причем весьма сомнительного в плане своей «добропорядочности» – в первую очередь из-за экспериментирования с различного рода взглядами и идеями ультраправого толка.

В последние годы, однако, ситуация радикально меняется. Организационное оформление и обретение официального «добропорядочного» имиджа позволяют подобным структурам и их членам осуществлять часто успешную и безболезненную миграцию в политический истеблишмент и тем самым, способствовать наращиванию в государственной (как внутренней, так и внешнеполитической) лексике специфических понятий и слоганов, очевидно маркирующих поворот курса российской внешней политики в декларативно-демократическом и воинственно-мобилизационном направлении. Вместе с переходом на новый уровень бывшие идеологи таких организаций приносят в официальный политический язык соответствующие модели мышления,

языковых клише и поведенческих практик.

По мнению российских исследователей (Попов, 2005: 147–149), социальный заказ власти на консервативную идеологию вызвали два ключевых обстоятельства: наличие очевидной идеологической и политической лакуны на консервативном фланге, а также системный кризис идеологии российского либерализма. Как известно, идеологический мейнстрим в условиях России последних пятнадцати лет чаще всего связывают с либерализмом – сначала радикальным (в период президентства Бориса Ельцина), затем умеренным, или патриотическим, плавно трансформирующимся в специфическую мягкоконсервативную идеологическую конструкцию (в период президентства Владимира Путина). Поэтому современный консерватизм в России необходимо рассматривать прежде всего в специфическом общественно-политическом и культурном контексте, определяемом либерально-демократической моделью российской государственности, пришедшей на смену советскому варианту социализма. В этом смысле консерватизм 1990-х – начала 2000-х гг. проявился в качестве реакции на **«ультралиберальный неолберализм»** так называемых младореформаторов.

Однако следует упомянуть и о другом контексте усиления консервативных позиций, связанном с втягиванием России и всего мира в процессы глобализации, ведущие к формированию единого человеческого пространства и общепла-

нетарной цивилизации. Последнее обстоятельство поставило перед российским консерватизмом, как и перед любой другой политической идеологией современности, качественно новые задачи: традиционно рассматриваемый как сугубо национальная идеология, локализованная в границах национальных традиций, он теперь оказался перед необходимостью одновременного решения не свойственных ему «универсалистских» задач.

На сегодняшний день российский консерватизм достаточно многообразен, причем как по идеологическому содержанию, так и по организационным формам. В самом общем виде все консервативно-ориентированные течения на общественно-политическом поле России можно выстроить в двух альтернативных руслах: *национально-либеральном и антилиберальном*. Первый блок начинается «экономикоцентричным» по своему характеру Серафимовским клубом, образованным в конце 2003 г. группой российских журналистов (Александр Привалов, Михаил Леонтьев, Максим Соколов) и кинематографистов (Сергей Сельянов, Алексей Балабанов). Второй – «культуроцентричным» Консервативным пресс-клубом, состоящим преимущественно из публицистов и ученых-экспертов (Виктор Милитарев, Юрий Солозобов, Борис Межуев, Константин Крылов, Егор Холмогоров и др.). Следует также упомянуть о примыкающем к последнему блоку направлении *имперско-православного консерватизма*, не до конца институционально оформленном, но

весьма амбициозном и общественно резонансном. Течение представлено в первую очередь позициями литературно-философской группы «Бастион» (Дмитрий Володихин, Эдуард Геворкян, Глеб Елисеев, Кирилл Бенедиктов и др.), Фондом культуры Никиты Михалкова с его философско-культурологическим «Консервативным семинаром», Экспериментальным творческим центром Сергея Кургиняна, точкой зрения православного публициста Андрея Кураева и др. На консервативном идейном поле ярко выделяются и отдельные игроки, с именами которых можно связывать оригинальные и целостные авторские философско-идеологические проекты: Александр Солженицын, Александр Панарин, Вадим Цымбурский, Сергей Карамурза, Александр Дугин, Владимир Махнач.

Общий апологетический мотив в отношении консерватизма как предпочтительной для России идеологической доктрины в конечном счете сводится к рассуждениям о том, что левый спектр идеологий дискредитировал себя к распаду Советского Союза. Более того, теоретически возможный по сей день приход левых к власти в России вполне может означать их радикализацию и в конечном итоге – «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», влекущий за собой возрождение тоталитаризма, в чем не заинтересованы ни россияне, ни мировая общественность. После реформ 1990-х гг. либерализм также утратил всякую популярность среди российских граждан, в связи с чем следует признать, что, несмотря на

все благие намерения, преобразования, которые не учитывают историческую специфику развития России, обречены на провал. «Таким образом, "третий путь" консерватизма оказывается наиболее приемлемым на данном этапе развития страны, поскольку он является "золотой серединой", соединяя в своей доктрине умеренно-рыночную экономику (уважение к институту частной собственности, свободное предпринимательство и многое другое...) и патриотизм, нравственность, уважение к национальным традициям, культуре, истории» (Витушкин, 2006).

Идеологи российского консерватизма становятся всё более заметными и активными в различных областях общественной жизни, в том числе в академической среде, масс-медиа, политическом истеблишменте. Приведем только несколько примеров. Так, 2 октября 2008 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова – главном и самом престижном высшем учебном заведении России – прошло заседание новообразованного Центра консервативных исследований, в ходе которого эксперты и ученые констатировали окончательное утверждение консерватизма как идейного тренда современной России, а также указали, что в стране начался второй этап консервативного идеологического строительства, который выражается в выработке конкретной программы, способной стать основанием системного развития общества. Там же декан социологического факультета МГУ профессор Владимир Добрень-

ков заявил, что «консервативная идеология сегодня востребована обществом и властью», в связи с чем интеллектуалы обязаны «сформулировать основные принципы и понятия консервативной идеологии» (Консерватизм как принцип, 2008).

Не менее активно пропагандируются консервативные взгляды и на прогосударственных каналах российского телевидения. Например, один из популярных политических обозревателей Первого канала телевидения Михаил Леонтьев четко артикулирует следующую (официальную?) точку зрения: государство есть Империя, и потому оно сакрально; служение государству – самоценно; необходима замена рушащейся системы эгалитарного гуманизма, где человек стоит в центре всего и все люди равны, проектом «Третья империя». В основе обозначенного проекта лежит так называемая «неосословная концепция», предлагающая несколько различных форматов соотношения прав и обязанностей, но главный ее принцип – «отказ от эгалитарного гуманизма и реальная свобода выбора, свобода выбирать разную жизнь. Свободно принятые обязанности дают такие или иные права. Это фактически сословная система с открытыми сословиями» (В ЦКИ знают..., 2009).

В подобном ключе высказывается также публицист и идеолог единоверческого движения в православии, кандидат юридических наук Владимир Карпец, по мнению которого «в новой государственной модели мы должны решительно уйти от концепции разделения властей

и гражданского общества. Разделение властей есть мираж, поскольку всякая власть в принципе должна быть едина, и если она не едина, то это – не власть» (Карпец, 2008). Единственно приемлемыми для России формами организации властной иерархии являются, согласно этой точке зрения, два принципа: царско-земский и орденско-партийный. Причем они не являются взаимоисключающими и могут дополнять друг друга. Первый принцип представляет собой модель легальной институционализации власти – «*соединение вертикальной властной оси и местных форм самоорганизации*». Второй – модель «*чрезвычайно-диктаторскую*», наиболее показательным осуществлением которой стала опричнина Ивана Грозного.

Особое место среди российских консервативных политических и интеллектуальных игроков занимает вышеупомянутый Центр консервативных исследований социологического факультета МГУ, ставящий среди прочих задачу «*содействовать подготовке научной и управленческой элиты консервативных взглядов*» (Речь А. Дугина, 2008). Документы, публикации и стенограммы мероприятий центра являются интересными объектами для анализа с целью изучения трансформаций современной российской внешнеполитической риторики. Наиболее теоретически последовательно и репрезентативно консервативная идеологическая концепция в версии

центра излагается в текстах и выступлениях одного из самых харизматических и активных вдохновителей российского консерватизма начала XXI в. – Александра Дугина. Он отошел от некогда горячо поддерживаемых, а ныне его компрометирующих национал-большевистских взглядов¹ и выглядит сегодня более чем презентабельным представителем российского интеллектуального сообщества, а также одним из основных претендентов на позицию отечественного «консервативного гуру». Результатами его бурной деятельности являются официально возникающие и активно функционирующие во многих регионах страны соответствующие институты по выработке и трансляции специфических «консервативно-революционных» взглядов.

В мировоззренческой и идеологической платформе Дугина можно выделить следующие концептуально-содержательные характеристики консерватизма как «спасительной идеологии» для России: его «апофатическо-синергичную» специфику, традиционный характер консерватизма, а также фундаментально-системный и образовательный потенциал этой идеологии.

Итак, во-первых, поскольку можно констатировать как «*абсолютный факт кризис советской идеи, и как просто довольно реальный факт – кризис либеральной идеи*», постольку уже в первом – апофатическом – приближении возможно понимание

¹ См. об этом подробнее: Михеева, 2009.

консерватизма в широком смысле как несоветской и нелиберальной системы взглядов.² Консерватизм – это не марксизм, в том числе не советский марксизм, и это вообще не левая идеология, но это и не либерализм. Всё же остальное в разных его формах может быть сюда включено. Кроме того, Центр консервативных исследований изначально не предполагался исключительно евразийским (или неоевразийским), поскольку утверждается, что консерватизм гораздо шире. Евразийская идеология, по мнению Дугина, безусловно консервативная, но не единственная. Помимо нее существует множество других направлений и тенденций, которые должны быть включены в содержание и методологию консервативной идеологии.³

Таким образом, у консерватизма нет единого, универсального, содержательного определения. Однако эта неспособность строго, дефинированно описать параметры и теорию консерватизма имеет и свое пози-

тивное содержание. Описание консерватизма невозможно, потому что он всегда плюралистичен, в отличие от других, универсальных систем. *«То, что не может быть универсальной теорией консерватизма, – это не какой-то его дефект, а выражение принципа. Консерватизм сохраняет различия»* (Дугин, 2008с). И если формально определить явление консерватизма пока что не представляется возможным, то вполне имеет смысл говорить о «консервативной эпистеме», которая может представлять собой последовательно формируемую в процессе научной дискуссии совокупность рациональных, непротиворечивых высказываний (Встреча Ю. Солонина..., 2009).

Во-вторых, под консерватизмом понимается то, *«что Мангейм понимал под традиционализмом, то есть все формы защиты консервативных ценностей – всякое нежелание, всякая оппозиция тому, чтобы совершались перемены, которые проходят в обществе. В целом это*

² По мнению одного из лидеров Евразийского союза молодежи Павла Зарифуллина, в силу тезиса о неизбежном и скором крахе либеральной модели *«новая мировая политическая палитра будет представлять из себя мозаику различных консерватизмов»* (В ЦКИ знают..., 2009).

³ Другой представитель российской высшей школы, идентифицирующий себя с консервативной идеологией, профессор Вардан Багдасарян, видит сущность синергического подхода к формированию консервативной идейной доктрины, или синергического консерватизма, в объединении на платформе консерватизма следующих принципов: охранительного принципа, принципов модернизма (изменчивости) и традиционализма (преемственности), а также социализма (групповой солидарности) и либерализма («индивидуумной терминированности»). По мнению эксперта, *«современный российский консерватизм не отвечает целеполаганию развития общества, поскольку является консерватизмом аппаратным, который из всех ценностных установок поддерживает нежелание развития и перемен. Синергический же консерватизм в чистом виде представляется основой устойчивого развития»* (Багдасарян, 2008).

приверженность прошлому» (Выступление руководителя Центра..., 2008). В результате становится неизбежным специфический «теологический ренессанс», при котором религиозные взгляды различной пробы (от мистифицированного язычества до идеологизированного православия) становятся «важнейшим элементом» четвертой – консервативной – политической теории. В результате *«не только высшие сверхразумные символы Веры могут снова быть взяты на щит, но и те иррациональные моменты культов, обрядов и легенд, которые смущали богословов на прежних этапах. Если мы отбрасываем прогресс как идею, свойственную эпохе модерна (а она, как мы видим, закончилась), то всё древнее обретает для нас ценность и убедительность уже потому, что оно древнее. Древнее – значит, хорошее. И чем древнее, тем лучше»* (Выступление руководителя Центра..., 2008).

Можно выделить, согласно Дугину, «четыре обобщающих типа консервативной функции»: фундаментальный консерватизм, либеральный консерватизм, социальный консерватизм и революционный консерватизм. Целесообразность такой типологии объясняется тем, что с выделением именно этих социально-типологических конструкций становится возможным не только спроецировать их на Новое время и западноевропейские политические модели, но и использовать в качестве методологического инструментария для описания и анализа различных явлений традиционного общества,

живущего вне парадигмы Нового времени. При этом все виды консерватизма объединяются общей инвариантной чертой – они в целом позитивно и последовательно относятся к презумпции *«legacy of traditional society»* как к некоторой правомочности, правомерности существования традиционного общества.

Наконец, в-третьих, необходимо решение задачи *«формирования консервативного интеллектуального научного полюса в России с целью представить власти идею системного консерватизма»* (Речь А. Дугина, 2008), для того чтобы интеллектуальные научные центры с квалифицированными экспертами, с подготовленными и серьезными научными кадрами могли вести диалог с властными структурами. По мнению Дугина, в современной России налицо парадокс: большинство людей – консерваторы, власть ведет себя совершенно консервативно, а опирается на интеллектуалов-либералов. В этой связи Центр консервативных исследований должен действовать на пересечении науки (социологии и политологии) и практической политики, в том числе выходя на создание *«драфтов»* (черновиков) анализов и мониторингов с целью подготовки определенных политических решений для российского руководства. Задача Центра консервативных исследований состоит, в конечном счете, в создании Центра развития и становления консервативной идеологии в России с опорой на научные кадры. В первую очередь, конечно, поскольку Центр создан при социо-

логическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, с опорой на социологов, но также с опорой на философов и политологов.

В конечном итоге, реализация поставленной цели позволит сформировать научную управленческую элиту идеологизированных консервативных взглядов. Именно ЦКИ *«должен стать лабораторией новой консервативной системы фундаментального гуманитарного образования и проводить своих людей во власть и в науку, как это делают все интеллектуальные структуры во всем мире: научные школы, кружки»* (Речь А. Дугина, 2008). Помимо этого, для усиления идеологических позиций и широкого практического влияния центру необходимо активно взаимодействовать с регионами Российской Федерации и странами СНГ в создании и укреплении единого интеллектуального пространства, а также активно контактировать с представителями консервативных кругов в США, Европе, Азии, странах «третьего мира».

Научная управленческая элита идеологизированных консервативных взглядов, с точки зрения Дугина, должна будет окончательно завершить эволюцию как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической динамики России последних двух десятилетий, а именно перейти от формул *«либерализм+антипатриотизм»* эпохи Ельцина и *«либерализм+патриотизм»* («суверенная демократия») эпохи Путина к единственно верной и адекватной политической доктрине *«патриотизм+патриотизм»*, или *«русская консервативная револю-*

ция». К сожалению, в настоящий момент вместо обозначенного политико-идеологического идеала в российской внешнеполитической практике наблюдается специфический «национал-глобализм» как национально-политический поворот к прозападным ценностям «либерал-глобализма» (Дугин, 2008b). Иными словами, российской власти как можно скорее следует сделать однозначный выбор – *западничество ИЛИ государственность*.

В этом контексте интересен и весьма показателен проведенный Дугиным с позиций консервативной методологии анализ «пяти принципов российской внешней политики», сформулированных президентом России Дмитрием Медведевым летом 2008 г. Предлагаемый анализ весьма смел и радикален, причем настолько, что сам эксперт вынужден признаться в сознательном обострении некоторых аспектов: *«Наверное, прослушав такой анализ, наше руководство в значительной степени ужаснулось бы от того, что оно само говорит, но на самом деле я вижу эту ситуацию достаточно ясно. Ведь есть логика идей. Когда люди подчас говорят слова, они не до конца осознают их смысл... Соответственно, я хотел показать, что означают слова Медведева, насколько они серьезны, что они, как идеи, значат»* (Дугин, 2008a).

Прежде всего, Дугин склонен рассматривать заявленные внешнеполитические принципы как *«полноценную, однозначную, необратимую доктрину»*. В каждом из принципов он видит глубоко укорененные в

истории и потому фундаментально-консервативные основания. Так, первый принцип – следование России нормам международного права – Дугин трактует не только как декларацию российской власти о приверженности и защите послевоенного, так называемого ялтинского международного права с представлением о балансе двух равнозначимых держав, между которыми могли выбирать представители стран «третьего мира», но и как воинственный принцип ближайшей *геополитической революции*. Сегодня, по мнению Дугина, идет процесс фундаментальной трансформации основополагающих принципов мирового права в пользу того однополярного мира, который сложился после поражения СССР в холодной войне.

Поэтому первый внешнеполитический тезис президента, несмотря на кажущуюся банальность и неоригинальность, является по своей сути принципиально *революционным и ультраконсервативным*, поскольку в нем защищается не только исходный правовой статус-кво, но содержится имплицитный призыв к силовой геополитической революции. В определенном смысле речь идет о насильственной реставрации процессов уравнивания «американ-

ского полюса» адекватной альтернативой: *«Дмитрий Медведев говорит: раз мы вошли в Южную Осетию и Абхазию, то, значит, мы показываем, что будем защищать модель ялтинского мира и дальше – силой, и это самое главное, потому что всё делается силой. Сила – это основа права»* (Дугин, 2008а).

Второй тезис – принцип многополярности мира – и вовсе есть, полагает идеолог, объявлением президентом Медведевым войны Америке, поскольку *«слово "многополярность"... для американского истеблишмента абсолютно неприемлемый революционный авангардный панк-политологический термин»*.⁴ Дугин видит в этом принципе очевидный и недвусмысленный призыв к США отказаться от всего, чего это государство добилось за последние два столетия. Для Соединенных Штатов это по существу призыв к признанию поражения и даже – к самоликвидации. Но для Америки это недопустимо, так как американцы свято верят в однополярность мира, центрируемую их страной, *«и их военная, экономическая и политическая машина – это машина однополярности»*.

Отсюда вытекает жесткий вывод, что, если однополярность – это проект США, то многополярность как

⁴ Дугин увязывает провозглашение принципа многополярности современного мира с «практической демонстрацией» Россией его решительного осуществления в ходе российско-грузинского военного конфликта: *«Та многополярность, на которую ориентируется Медведев и которая нами по факту уже заявлена введением российских войск в Грузию, это то, с чем придется нам сталкиваться в дальнейшем. Теперь ясно, что Россия находится в состоянии геополитической войны, и эта война не пятидневная, которая закончилась в августе, эта война только начинается»* (Дугин, 2008а).

проект новой России означает войну с Америкой. Тот факт, что Дмитрий Медведев напрямую сказал не о двухполярном мире, а именно о многополярном, весьма показателен. Он демонстрирует намерение прийти на место второго полюса (который в старом «ялтинском миропорядке» в лице СССР уравновешивал давление США) не одного государства, России, а целого ряда стран-полюсов. Предполагается, видимо, несколько таких главных «противовесов»: евразийский полюс (Российская Федерация и постсоветское пространство: страны ОДКБ и ЕвразЭС); китайский полюс; исламский мир; Европа.

Третий принцип – сотрудничества, антиизоляции и неконфронтации на внешнеполитической арене – согласно Дугину, меньше всего следует рассматривать как пассивно-миролюбивый. Наоборот, «то, что Россия не хочет конфронтации ни с одной страной, это значит, что Россия будет нападать активно и выстраивать многополярный фронт, включая те силы, которые многополярно существуют в Европе, в США, но самое главное – в Азии, в арабском мире, а также в Африке, Латинской Америке и так далее. Наши военные бомбардировщики, которые сейчас находятся в Латинской Америке, показывают, как мы не собираемся изолироваться...»

(Дугин, 2008а). Из третьего принципа Медведева, по мнению Дугина, вытекает необходимость последовательной идеологизации российской политики. И хотя в российской Конституции записано, что никаких правящих идеологий в стране не существует, «но на самом деле в Америке тоже ведь нет правящей идеологии, тем не менее, есть американская идея. Так что нашу идеологию тоже можно назвать не идеологией, а национальной идеей многополярности».⁵

Четвертый тезис – принцип защиты жизни и достоинства российских граждан в любой точке мира – трактуется Дугиным как однозначное право так называемой ингеренции, или одностороннего вмешательства в жизнь суверенного государства с нанесением по нему военного удара, пересечением его границ и отменой его неприкосновенности. По сути ярким примером реализации этого права со стороны России явились события в Грузии после обстрела Цхинвала. Дугин решительно отстаивает правомерность российских шагов в той ситуации: «По факту мы совершили акт вмешательства, а теперь говорим: мы не просто его совершили в экстраординарном случае, но будем и дальше совершать акты вторжения, когда сочтем это целесообразным... Теперь клубу инге-

⁵ Ему вторит один из лидеров Евразийского союза молодежи, политолог и журналист Валерий Коровин: «Ответом России на это ужесточение со стороны США должна стать жесткая мультиполяризация мира. То есть Россия должна позаботиться о том, чтобы ядерные военные технологии были как можно скорее в Иране, чтобы оружие и военные базы были как можно скорее в Центральной и Южной Америке, причем на постоянной основе» (Коровин, 2008).

рентных держав прыбыло. Тэперь мы тоже являемся участниками клуба государств, которые будут вторгаться на чужие территории для того, чтобы защитить свои интересы или интересы своих граждан (наряду с США, Израилем). То есть если Америка строит однополярный мир, никоим образом не смущаясь, что кто-то возмущен этим, то Россия будет строить многополярный мир, чего бы это ни стоило. Америка присваивает себе право ингеренции, а поскольку оспорить его дальше уже не возможно, мы также присваиваем его. Они говорят о вмешательстве, и мы говорим о вмешательстве» (Дугин, 2008а).

Более того, данный принцип следует рассматривать как воинственное заявление России о неизбежности аналогичных действий в будущем: «Если, например, на Украине или в Молдавии, или где-то еще, например, в странах Прибалтики, местные власти вознамерятся наступить на интересы российских граждан или русского населения вообще, то Россия может оставлять за собой право действовать по американо-израильскому сценарию. То

есть быть не вместе с Америкой, а как Америка. И в данном случае я думаю, что такой подражательный, имитационный американизм нам очень бы не повредил» (Дугин, 2008а).

Наконец, пятый принцип, фиксирующий геополитические привилегированные интересы России за ее государственными границами, должен, по мнению эксперта, рассматриваться как заявка на концепцию о зоне геополитической ответственности. Опять-таки пример российско-грузинской войны – это одновременно пример очерчивания границ такой зоны национальных геополитических интересов. Подвергшиеся грузинской агрессии дружественные России регионы получили адекватную поддержку именно по причине осознания государством своей миссии. В силу некоей высшей справедливости, основанной на идеологической презумпции геополитической ответственности, пришло время, по мнению Дугина и других «сочувствующих консерваторов», решительно отказаться от эвфемизации войны в общественном дискурсе и, далее, последовательно отказаться от «борьбы за мир» в сфере практики⁶.

⁶ Ср.: «Консерваторы редко являются пацифистами... Консерватор и тут не должен лгать, для него предпочтительней война, а не мир... Война, по Гераклиту, является "отцом всех вещей". Человек всегда воюет. Это – существо воюющее. В этом – его онтологический корень. Он воюет за истину, за любовь, за правду, за добро... Мы на протяжении всей нашей истории, мы русские, всегда воевали. Когда не воевали, то, как правило, гнили. Почему, собственно, надо перестать воевать?.. Непрерывная война с грехом идет в сердце человека. И худшим исходом был бы здесь пацифизм – примирение добродетели и греха; это было бы не примирение и не компромисс, но победа греха. Церковь Земная в православной традиции называется Церковью Воинствующей. Тематика войны в корпусе консервативной философии должна быть поставлена прозрачно, спокойно, без злорадства и садизма, ответственно. Но мы должны знать и осмыслять себя воинами, воюющим народом, воюющей страной, воюющей Церковью» (Дугин, 2009).

«Вопрос войны должен стоять открыто и прозрачно. Мы – воюющий народ, воюющая страна, воинственная церковь. Не надо пропагандировать войну, но надо признаться, что борьба за мир нас разложила. Потом, война и так уже идет – надо лишь назвать вещи своими именами» (В ЦКИ знают..., 2009).

В результате, полагает Дугин, если мы – Россия – попробуем суммировать все вышеобозначенные тезисы (с особым упором на последний), а также начнем последовательно и бескомпромиссно реализовывать систему этих приоритетов во внешнеполитической практике, то возникнет необходимость радикальной трансформации российского общества, ныне всё еще *«рыхлого, разваленного и коррупционного, ориентированного на либерализм, на пиар и на шутки»*. Из всей заявленной внешнеполитической доктрины неизбежно следует альтернативный идеал мобилизационного общества, которое должно прийти на смену современному ультралиберальному гедонистическому коррупционному социокультурному состоянию (Дугин, 2008а).

Таким образом, достаточно систематизированный и развернутый идеологический проект, предлагаемый официальной властью со стороны российских консерваторов образца Центра консервативных исследований при МГУ, базируется на ряде постулатов очевидно мобилизационно-воинственного характера, а именно:

- на идее неизбежной *геополитической революции*, или признании права силовой (военной) защиты

«геополитических интересов» России и оправдании агрессивной политики в отношении соседних народов и бывших республик СССР;

- на обосновании правомерности жесткой ультраконсервативной идеологизации как политической, так и всей социальной жизни с целью создания в России так называемого *мобилизационного общества*;

- на призыве к *возобновлению и усилению последовательного идеологического и военного противостояния с Западным миром* и прежде всего с США вплоть до символической войны с доминирующей «практикой постлиберализма»;

- на задаче *создания многополярного мира как многополярного фронта*, или интенсификации сотрудничества с «третьим миром» с целью поддержания его антизападной и антиамериканской позиции, в том числе агрессивно-военного (террористического?) характера;

- на презумпции отказа от миролюбивой внешней политики и тактике *завоевания международного авторитета на основе воинственного имиджа государства*.

Обозначенные приоритеты, предлагаемые консерваторами, естественно, не получили четкой и однозначной артикуляции во внешнеполитическом российском дискурсе, хотя нарастающее противостояние России с евро-атлантическим сообществом, а также усиливающаяся агрессивность в отношении ее ближайших геополитических соседей очевидны. Скорее всего, идеологи Центра консервативных исследований так и не станут официальными

спичрайтерами Кремля, но явная легализация их позиции и активизация их деятельности на внутреннем российском общественно-политическом пространстве весьма показательны.

Либо власть прислушивается к идеям руководителей центра, либо тайно с ними сотрудничает, либо держит «придворных консерваторов» для устрашения и предупреждения либерального Запада, транслируя их устами свою внешнеполитическую позицию в предельно радикальной версии. В любом случае, факт «молчаливой благосклонности» власти к российскому «консервативному эк-

сперименту» свидетельствует, на наш взгляд, как минимум об определенном резонировании позиций власти с идеологическими предпочтениями консерваторов. А это, в свою очередь, говорит не только о нарастании на официальном уровне потенциала внутривластной воинственности и «имперских комплексов» по силовому сохранению мощи бывшего СССР, но и о намерениях по постепенному сворачиванию российских внешнеполитических программ открытости, либерализации и многовекторного сотрудничества – прежде всего с международным евро-атлантическим сообществом.

Литература

1. Багдасарян, В. (2008). «Необходимость синергичного консерватизма», *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (Доступ 29.11.2010) <http://konservativizm.org/speech/bagdasaryan/080309014911.xhtml>
2. «В ЦК И знают, зачем и как выиграть войну за Россию» (2009), *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (Доступ 29.11.2010) <http://konservativizm.org/news/activity/120409165246.xhtml>
3. Витушкин, Д. (2006). «Правоконсервативная идеология в современной России», *Золотой Лев*, № 95–96, URL (Доступ 29.11.2010) http://www.zlev.ru/95_32.htm
4. «Встреча Ю. Солонина и молодых консерваторов Петербурга в СПбГУ 19 июня 2009 года на Факультете философии и политологии Санкт-Петербургского Государственного Университета: фотоотчёт» (2009), *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (Доступ 29.11.2010) <http://konservativizm.org/regions/leningrad/210609173033.xhtml>
5. «Выступление руководителя Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Александра Дугина на круглом столе “Консерватизм как принцип: от социальной идеи к философии русского общества”» (2008), *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (Доступ 29.11.2010) <http://konservativizm.org/speech/dugin/020209171032.xhtml>
6. Дугин, А. (2008а). «Доктрина Медведева – Пять принципов российской внешней политики», *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (Доступ 29.11.2010) <http://konservativizm.org/speech/dugin/011009193240.xhtml>
7. Дугин, А. (2008б). «Патриотизм плюс либерализм», *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (Доступ 29.11.2010) <http://konservativizm.org/speech/dugin/020209134446.xhtml>
8. Дугин, А. (2008с). «Четыре консерватизма – от социальной идеи к философии

- русского общества», *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (доступ 29.11.2010) <http://konservatizm.org/speech/dugin/020209171032.xhtml>
9. Дугин, А. (2009). «Четвертая политическая теория (Амфора). Глава 6. Консерватизм как проект и эпистема», *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (доступ 29.11.2010) <http://konservatizm.org/konservatizm/amfora/031209170017.xhtml>
 10. Карпец, В. (2008). «Русский социальный консерватизм», *Портал «Фонд имени Питирима Сорокина»*, URL (доступ 29.11.2010) <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=506>
 11. «Консерватизм как принцип» (2008), *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (доступ 29.11.2010) <http://konservatizm.org/news/cki/100109154141.xhtml>
 12. Коровин, В. (2008). «Противостоять США может только Империя», *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (доступ 29.11.2010) <http://konservatizm.org/speech/korovin/06032009021027.xhtml>
 13. Михеева, И. (2009). «Неоязыческий проект национал-большевизма: опыт философско-политологического анализа», *Иппокрена*, № 2 (13): 76–86.
 14. Попов, Э. (2005). *Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та.
 15. «Речь А. Дугина на нулевом заседании ЦКИ» (2008), *Сайт Центра консервативных исследований*, URL (доступ 29.11.2010) <http://konservatizm.org/speech/dugin/310109151801.xhtml>
 16. Тарасов, И. (2007). «Асимметрия интересов и эскалация истории в отношениях России со странами Вышеградской группы», *Без темы*, № 3: 14–23.